

Хазанов Г.

17/IV 88

ГДАК
Г. Москва

7 APR 1988

Премьера

Избранное Хазановым

Рановато стареют сатирики. Говорят, язвительность, колкость и желчность как-то там связаны с язвой и колитом... Геннадий Хазанову вроде грех жаловаться. Выглядит цветуще. И вдруг — «Избранное». Как бы итоги?.. Новый моноспектакль. Премьера была в Московском театре эстрады.

«Когда страшно хочется смеяться — это юмор, — говорит артист. — А когда хочется смеяться, но страшно, — сатира». Он сам бы рад поменять темы, но они упорно не хотят меняться. То есть новые, конечно, появляются, но в них как-то все-таки проглядывают старые: бездуховность, трусость, равнодушие, хамство, приспособленчество и много чего еще.

И все же сатира — продукт нежный, скоропортящийся. Вспомните молодого человека из кулинарного техникума. Тогда — ничего, смеялись. А теперь?..

«С правдой надо, как с ле-

карством, — утверждает со сцены один из его персонажей. — Понемногу и регулярно. А не так, чтоб лошадиную дозу раз в тридцать лет». Мы, ясное дело, не согласны. Хватит по каплям отсчитывать. Лечебное действие правды скажется в том случае, если принять ее, родимую, внутрь всю разом, запрокинув голову. Так?

И сижу я, на сцену гляжу и чего-то не понимаю. Правда где? Вот вы видели, чтобы в очереди за арбузами народ стоял, извиняюсь, в исподнем? А чтобы наши посетители японской выставки раздирали вежливого заморского стендиста на сувениры? И чтобы работяга вел своих вроде как собутыльников в городскую филармонию — это с утра-то и на последнюю трешку? Нет, что ни говори, а не показывают нам типического ге-

роя в типических обстоятельствах.

Но простим сатире ее лучшие качества: запальчивость, сгущение красок и прочие еще недавно запрещенные приемчики. Ей, бедной, не до соблюдения пропорций и приличий. Что подставили, по тому и получите. А тремучая смесь сатиры и официоза вызывает в зале мощные взрывы хохота.

Хорошие и разные монологи в этом спектакле. В иные моменты можно и не смеяться, передохнуть. Понаблюдать, как действует актер в «экстремальных обстоятельствах» не очень смешного, скажем так, авторского текста. Тоже интересно. И все же мы приходим на Хазанова ради других минут.

Слушай, племя младое, и конспектируй, как некто

сначала с кибернетикой боролся, потом с генетикой (или наоборот), крупный ротатый скот обобществлял, кукурузу за Полярным кругом сеял («лучше сеять, чем сажать»).... Точнее, он лично ничего не делал. Его место в строю — несколько перед строем. Застрельщик он. Спец по проведению лозунгов в жизнь. «Мне что делать, то я и велел». В 1983-м чуть не сел за приписки, через год чуть Государственную премию за то же самое не получил. Нынче борется за персональную пенсию какого-нибудь значения. Не дают? А впрочем, он готов засучив рукава взяться за дело перестройки: «Сила еще есть, а другого от меня и не требовали». Тихий, уставший от виражей прогресса человек. Самая зловещая фигура в спектакле.

И вот последний монолог.

Он — чтобы пролить на разбереженные души бальзам жизнеутверждения.

У человека навязчивые видения. Он идет по Бродвею, и все местные фарцовщики стоят перед ним на коленях, умоляя продать джинсы верейской фабрики... Очереди в Японии за продукцией второго часового... Члены палаты общин, бредущие лезвиями «Балтика»... «Очень тяжелый случай. Очень. Вся трудность не в том, чтобы его вылечить, а в том, чтобы нас заразить...».

Тут надо было ставить точку, кланяться и уходить, соблюдая гармонию сценария. Он два часа бередил раны и язвы, а потом лихо выписал рецепт. Мир обрел стройность, люди поверили в исцеление. А он взял и не ушел. Внимательно посмотрел в зал, порывлся в папке и снова подошел к микрофону. Может быть, ему показалось, что оптимизм пока не совсем уместен...

Е. СЕРГЕЕВ.